

# ЭКРАН СЕГОДНЯ: ЦЕНА УСПЕХА

Полемический разговор на страницах «ЛГ» о проблемах современного кинорепертуара (№№ 24, 25, 31, 32), судя по нашей почте, заинтересовал читателей, мы получили около двухсот писем. Сегодня в дискуссию вступает известный советский режиссер, последняя работа которого — фильм «Экипаж» — собрала едва ли не рекордное количество зрителей. Он предлагает еще одну точку зрения в споре.

## МНЕНИЯ, МНЕНИЯ, МНЕНИЯ...

### Строки из писем

Скажу о себе. Очень люблю кино, но если раньше выбиралась в кинотеатр не реже 2-3 раз в месяц, то теперь вынуждена ловить интересные мне фильмы по телевизору, умножая аудиогорло «пассивных» потребителей культуры». Фильмы, которые я хотела бы посмотреть, пускают по окраинным экранам либо они идут день-два на самых неудобных сеансах. Так и не удалось посмотреть поэтому ни «Древо желания», ни «Восхождение», ни «Пять вечеров», ни «Обломов». Все это промелькнуло так, словно чтобы только подразнить серьезного зрителя. Но самое грустное — кинорепертуар не только потворствует неразборчивым вкусам, он их теперь часто и воспитывает. У меня есть молодой родственник, который любит и серьезные, и развлекательные фильмы. Но в последнее время я с грустью замечаю, как смещаются критерии его оценки...

Л. СЕМЕНОВА  
КАРАГАНДА

Предлагаю: если будущему фильму успеха не планируется, а его все-таки сняли и кассового успеха он не имел, то все издержки пустить за личный счет тех, кто снял его. Тогда заметно побавится «некассовых» фильмов или, как считают некоторые из создателей, «подлинных шедевров». Остропожжетный, динамичный фильм — вот что ждет массовый зритель от работников кино!

В. СОКОЛОВ  
ГРОДНО

Многие места в «Пиратах XX века» показались мне просто школой жестокости. Но больше всего меня поразило поведение сидящих в зале детей: они смеялись и радовались. Им не было ни жалко, ни страшно. Знаете, когда при виде такого дети смеются: страшно должно делаться людям, которые их воспитывают. Дети ни в коем случае не должны воспринимать жестокость как часть приключений. Об этом уже писала «Литературка», но нелишне еще раз напомнить.

Кино должно воспитывать доброе и вечное...

Н. ДОМБРОВСКИЙ  
АЛМА-АТА

Без приключенческих и фантастических фильмов наш киноэкран был бы попросту скучен. Бесконечно показывать бытовые ситуации и сложности жизни, по-моему, нецелесообразно, мы и так в жизни сталкиваемся с ними. Приключенческие фильмы, наоборот, дают возможность как бы побывать в другой, острой ситуации, сопоставить свои моральные и физические возможности с героем фильма...

В. ВАСИЛЬЕВ  
СЛАВГОРОД

Я преподаватель и вижу, как подчас черствеют души молодых. Ребят не волнует ни зеленеющая листва, ни грусть осени, они не ходят в музеи, на концерты серьезной музыки, мало читают и не очень спешат даже на фильмы «про любовь». Ведь есть в изобилии куда более сильные эмоциональные раздражители — «костросюжетные» фильмы...

Посылаю репертуар тульских кинотеатров. 7 июня, например (день беру наугад, без выбора), 14 кинозалов города демонстрировали 15 остросюжетных лент — «Миллионы Ферфакса», «Вендетта по-корсикански», «Ларец Марии Медичи», «Преступление», «Расследование» и пр. — в общей сложности на 74 сеансах. Остальные жанры, включая мультфильмы и картины для детей, заняли лишь 18 сеансов (8 названий), причем к «серьезному кино» можно с натяжкой отнести лишь заурядную по художественным достоинствам ленту «На берегу большой реки» — 3 сеанса. Таков баланс, и он, увы, типичен не только для нашего города.

При такой постановке дела мы потеряем неизмеримо больше, чем приобретем.

И. МАКАРОВА  
ТУЛА

ИЗОБИЛИЕ детективов, которые выплеснулись на наши экраны, заставило критику относиться к перспективам развития этого жанра с опасением: не захлестнет ли волна развлекательных и нередко поверхностных фильмов нечто более ценное и важное в искусстве?

Но детектив — лишь крошечный участок жанровой палитры современного кино. Сегодня смотришь иной фильм, и он каждую секунду покоряет тебя полным жизнеподобием актерской игры и обстоятельностью. При этом секунды достоверности порой складываются в минуты такой условности, о которой не может и мечтать театр. Так прихотливы и далеки от привычного жизнеподобия все эти фильмы катастроф, ужасов, катэж... Так они разнообразны и так ярко, бывает, выражают намерения их создателей. Раньше такого не было. Это что-то новое. Именно фильмы с резко обозначенным жанровым климатом привлекают наибольшее внимание зрителей в мире. Что это? Этап в развитии киноискусства? Или прихотливый завиток кризисного состояния? Стоит задуматься.

Весной я был в Париже и поразился жанровому разнообразию фильмов на экранах. Это город, где ценят кино не только как развлечение, но и как искусство. И любят кино. Но не больше, конечно, чем в Москве.

Посмотрим, как французский журнал «Парискор» ориентирует зрителя в программе парижской кинонедели. Там представлено 338 кинотеатров, причем большинство из них трех-, четырехзальные. Иногда количество залов доходит до семи. Пришла новая техника демонстрации. Все залы обслушивает один человек: киноленты, спеленные из частей в огромные, горизонтально лежащие бобины круглые сутки могут ползти через окошки проекторов. Так вертятся сотни и сотни киноленок.

В журнале «Парискор» мы увидим довольно развитую сетку жанров: приключенческие, фантастические, шпунские, зрелищные, музыкальные, политические, большие классические постановки, военные, фильмы ужасов, фильмы катэж, полицейские, трагедии, вестерны, фильмы синематического действия.

Интересно, что попадает под рубрику того или иного жанра. Например, все фильмы Акиры Куросавы — несомненные шедевры киноклассики — всегда отмечены четкими и ясными сюжетами. Мы их найдем в разделе приключенческих лент.

Почти все фильмы Феллини отнесены к графе драматических комедий: в них есть юмор и драматические развития действия, а сюжет выложен достаточно ярко. Здесь же — «Провинциалка» и «Последнее метро» — французские картины, которые мы видели на недавнем Московском фестивале.

Среди фильмов ужасов грубый, вульгарный «Экзорцист» Фридкина и высокохудожественный фильм Стенли Кубрика «Шайинг».

Короче говоря, в какую бы графу мы ни заглянули, встретим и шедевры мировой классики, и фильмы «текущего репертуара», и картины 20-30-летней давности, по тем или иным причинам вызывающие сегодня интерес. Но при этом примечательно, что нет ни одного фильма, который был бы в силу своих исключительных художественных достоинств или каких-то иных особенностей выделен за рамки жанровой сетки. Все фильмы относятся к какому-то жанру.

При этом дискуссионные или сенсационные фильмы, как правило, предлагают зрителю необычные жанровые решения, неординарные, подчас шокирующие климат действия. То философская метафора возникает в сюжете о борьбе ностомантов с нажимом патологическим страхом чудовищем (фильм «Чужой»). То музыкальная комедия решена как документальный репортаж об учениках актерской школы («Известности»).

Кинематограф становится похож на дерево, которое

выпустило множество ветвей, и они растут, все увеличиваясь в числе, шестая густой кроной.

Какие, к примеру, комедии показывают нынче на мировом экране? Комедии хаянтеров, комедии положений, эксцентрические, комедии «черного юмора», эротические, музыкальные, трагикомические, политические, сказочные, иронические, бурлескные, пародийные, философские, идиотические — каждая удача в считанные годы превращается в жанр со своим зрелищным миром, своей системой условностей. Происходит это потому, что новые жанры наиболее неуклюжие. Их охотно смотрят.

В нашем кинематографе жанровая сетка предельно проста и неизменна за последние годы. Это комедии, детективы, сказки и... «фильмы». «Фильмы» — это что-то серьезное. Комедии и детективы — это то, на чем можно заработать деньги. Сказки показывают детям.

Идея о том, что вдумчивый художник должен сообразно возможностям и таланту четко

ощущением жанра, и каждая его картина является жанрово определенной, что не мешает ему серьезно вскрывать жизненные проблемы. Более того, он режиссер нового поколения, для которого культура жанра стала нормой. И для него не проблема решить картину в том или ином жанре. Характерно, что критика не приняла его кинематографическую культуру в дебюте («Свой среди чужих, чужой среди своих»). Фильм расценили как произведение вундеркинда, обывшегося кинопросмотром. Между тем это просто грамотная, талантливая работа.

Самые интересные мне режиссеры работают сегодня в сфере кинематографа с ярко выраженным жанровым климатом. И я никогда не поверю, что здесь происходит развитие второстепенной субкультуры, а где-то в заповедной роще искусства произрастают мощные столбы, аморфно и апатично усваивающие из земли вековые

Александр МИТТА

# «ГАДКИЙ УТЕНОК» СТАНЕТ ЛЕБЕДЕМ

обозначать жанровые границы фильма, достаточно нова. Критики скажут, что она родилась не от хорошей жизни: мол, в западном кино, если хочешь привлечь к себе внимание зрителей, надо как-то выделяться на рынке. А у нас можно спокойно прожить, ориентируясь на то, как снимают рядом, как снимали до тебя, как будут снимать вместо тебя, если ты заблелешь или того хуже...

Однако это не мешает нам увидеть, что в разных странах всхлывают яркие примеры контактов художника с десятками миллионов заинтересованных зрителей. Такие контакты признаками создают сложную проблему, потому что ритуалы жанров интернациональны, они понимаются зрителями всех стран. Но коллизии, волнующие людей, помимо общечеловеческой узнаваемости, воздействуют глубоко тогда, когда они несут и национальную конкретность характера, конкретность социальной среды.

Если ты не чувствуешь национальных истоков творчества, то, активно волекая жанр в свою работу, становишься просто функционером каких-то трансконтинентальных схем. А если ты связан с культурой народа, со всем, завоеванным новым, социалистическим строем, то жанровая сетка не помеха. Жанр не обязывает художника к упрощенному выражению неоднозначного. Он активизирует связь со зрителем и является не плитой, ограничивающей «потолок» творчества, а фундаментом, на котором может вырасти произведение искусства. Он каркас, сквозь который корни могут проникать в землю как угодно глубоко.

В своих высокоточных размышлениях по поводу жанрового кинематографа иные опираются на то, что жанр ориентируется на упрощенный стереотип зрителя, который днем выполняет нехитрую работу, а вечером хочет столь же нехитрых развлечений на экране, не слишком глубоко его затрагивающих.

В значительной степени это справедливо: коммерческий кинематограф ориентируется именно на этого зрителя. Такой зритель не против, чтобы его

ценности и вяло выпускающие классические ветви. Нет! Настоящее искусство сегодня развивается там, где дробятся и множатся жанры, где кажущаяся вульгарность вчерашнего дня сказочно превращается в явление искусства нынешнего. Как у Андерсена: гадкие утята становятся лебедями.

Поэтика экрана выявляется сегодня в том, что возникает сложный конфликтный альянс между жанровым ритуалом и все более разнообразящейся чувственной жизнью экрана. В этом смысле кинематограф с четко выраженной жанровой признаками создает сложную проблему, потому что ритуалы жанров интернациональны, они понимаются зрителями всех стран. Но коллизии, волнующие людей, помимо общечеловеческой узнаваемости, воздействуют глубоко тогда, когда они несут и национальную конкретность характера, конкретность социальной среды.

Если ты не чувствуешь национальных истоков творчества, то, активно волекая жанр в свою работу, становишься просто функционером каких-то трансконтинентальных схем. А если ты связан с культурой народа, со всем, завоеванным новым, социалистическим строем, то жанровая сетка не помеха. Жанр не обязывает художника к упрощенному выражению неоднозначного. Он активизирует связь со зрителем и является не плитой, ограничивающей «потолок» творчества, а фундаментом, на котором может вырасти произведение искусства. Он каркас, сквозь который корни могут проникать в землю как угодно глубоко.

В своих высокоточных размышлениях по поводу жанрового кинематографа иные опираются на то, что жанр ориентируется на упрощенный стереотип зрителя, который днем выполняет нехитрую работу, а вечером хочет столь же нехитрых развлечений на экране, не слишком глубоко его затрагивающих.

В значительной степени это справедливо: коммерческий кинематограф ориентируется именно на этого зрителя. Такой зритель не против, чтобы его

немного попугали. Он не против, чтобы его немного пошевелили, он устал и хочет отдохнуть. И может немножко поплакать над простыми мелодраматическими ситуациями.

Но реальность все-таки сложнее. Есть довольно много серьезных людей — ученых, врачей, инженеров, — бесконечно мной уважаемых, которые хотят видеть в кино развлечение. Умные, интеллигентные люди, они не упрощают своих взаимоотношений с искусством. Но ведь развлекательная функция искусства тоже сложна. Вопрос только в том, чтобы забавы и шутки затрагивали ваши мозговые клетки.

Давно прошел золотой век кино, когда люди верили, что на экране сама жизнь. И только некоторые недоумевали: как это удалось ее заснять? Теперь фильмы рассматривают как киноспектакль. И правильно! Хорошая картина должна быть праздником идей и чувств.

Довольно сложный инструмент воздействия на зрителя надо использовать, чтобы выразить сегодня свою мысль на экране. Поэтому нет ничего зазорного а том, что художники осваивают широкий арсенал жанровых средств. Более того, я вижу, как режиссеры, необычайно глубокие и оригинальные в своем творчестве, по сути дела, сами становятся определенным жанром.

Бергман — это жанр лаконичной среды, где сложные, трагические конфликты раздирают души его героев и не дают возможности выйти из духовного кризиса.

Феллини с его экзотической буффонией, исповедальческим взглядом, почти балаганными представлениями о своих потаенных комплексах и мыслях — это жанр. Все его фильмы сделаны в «жанре Феллини».

Как всегда, при взгляде на любое явление в искусстве довольно быстро выясняется, что ново все то, что хорошо забыто.

Когда наши классики строили свои шедевры на плацдарме мелодраматических клише, они знали, что делают. До

стоцкий создавал глубочайшие философские романы на основе уголовной хроники и понимал, что это, во-первых, обостряет конфликт, а во-вторых, привлекает внимание читателей. Задача крупного мастера всегда заключалась в том, чтобы создать вокруг своего произведения активную воспринимающую среду.

А Лев Толстой? В истории князя — героя «Воскресения», который собирается жениться на соблазненной им когда-то девушке, ставшей проституткой, на уникальном сюжете выявлены самые главные, активные, социальные закономерности жизни. Этот способ резкого обострения мысли через сюжетное клише позволяет в данном случае сделать острый, короточающий срез через всю Россию — от покоев графа до грязных, вонючих комнат публичного дома и чудовищных тюремных камер.

Жанр ориентирует нас на то, чтобы в исключительной ситуации, обладающей зарядом агрессивности и зрелищными возможностями, рассказать повесть, имеющую определенный социальный смысл. Он нацеливает наше сознание на освоение новых жизненных явлений.

Одни люди говорят про «Экипаж»: это фильм о коллективном подвиге летчиков Аэрофлота. Они правы.

Другие говорят: это сказка, где люди сталкиваются с романтическими преувеличенными катастрофами; немислимыми пожарами, небывальными обвалами, нереальными потоками огненной лавы. Они тоже правы.

Соединение жанровых ритуалов с живой, пульсирующей тканью жизни и было нашей задачей в фильме.

Мы на студиях можем вновь и вновь вкладывать миллионы в традиционные и насущно необходимые картины о жизни и труде современника. Но сегодняшнюю публику не заставишь идти в залы кинотеатров, чтобы смотреть на самое замечательное свое прошлое и настоящее, если оно не станет увлекательным кинозрелищем.

Хорошо это или плохо? Это неправильная постановка вопроса. Правильно спросить: грамотно или неграмотно планировать фильм на социально важную тему без учета актуальности его жанра? Мы не спешим принять как очевидность, что ритуалы жанра создают традиции социального воспитания. А время не ждет! Создавать традиции и основы для активной, а отнюдь не «потребительской» культуры — рода.

«Экипаж», хотя снимал ее с удовольствием и интересом, потому что и для меня, и для зрителя она была первой. Я трезво оцениваю результаты труда: мне нравится, что аудитория фильма велика, что он пришелся зрителям по вкусу. Но это не лишает меня здорового смысла: вторая картина на ту же тему будет не в два, а в двадцать два раза менее ценна. Надо овладевать новыми рубежами, по-новому заходить на тему. Это картина о летицах — таким образом она освещает тематический план. Но была и необычность жанра: мелодрама и катастрофа, соединенные в одном фильме. Значит, жанр предоставляет возможность неожиданно осветить привычный материал.

Значит, можно яркое и броское органически сплечь с глубоким и основательным. Надо не бороться с жанрами, а брать их как живые, недостающие в вооружении.

Жанр — это драматическое клише. В нем обозначен самый выразительный вариант построения конфликта персонажей. В жанровых канонах выявляется обобщенный опыт профессиональных решений.

Одни люди говорят про «Экипаж»: это фильм о коллективном подвиге летчиков Аэрофлота. Они правы.

Другие говорят: это сказка, где люди сталкиваются с романтическими преувеличенными катастрофами; немислимыми пожарами, небывальными обвалами, нереальными потоками огненной лавы. Они тоже правы.

Соединение жанровых ритуалов с живой, пульсирующей тканью жизни и было нашей задачей в фильме.

Мы на студиях можем вновь и вновь вкладывать миллионы в традиционные и насущно необходимые картины о жизни и труде современника. Но сегодняшнюю публику не заставишь идти в залы кинотеатров, чтобы смотреть на самое замечательное свое прошлое и настоящее, если оно не станет увлекательным кинозрелищем.

Хорошо это или плохо? Это неправильная постановка вопроса. Правильно спросить: грамотно или неграмотно планировать фильм на социально важную тему без учета актуальности его жанра? Мы не спешим принять как очевидность, что ритуалы жанра создают традиции социального воспитания. А время не ждет! Создавать традиции и основы для активной, а отнюдь не «потребительской» культуры — рода.

Я не слишком восхищенный поклонник своей картины